

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ЗОЛОТОЙ
ЖУК

Аннотация

Спрятанное сокровище охраняет надежный шифр. Но один из героев сумел определить местонахождение клада...

Эдгар По также известен как автор многочисленных рассказов. Среди них «Бочка амонтильядо», «Тень», «Падение дома Эшер», «Поместье Арнгейм», «Свидание», а также стихотворения «Ворон» и «Линор».

Эдгара Аллана По считают одним из самых ярких представителей американского романтизма. Создатель современной формы мистического детектива, он завоевал признание читателей готической атмосферностью и психологизмом своих произведений.

Эдгар Аллан По Золотой жук

Хо! хо! Он пляшет как безумный!

Тарантул укусил его.

«Все ошибаются»

Несколько лет тому назад я сблизился с неким мистером Вильямом Леграном. Он происходил из старой гугенотской семьи, и некогда был богат; но ряд злосудных случаев привел его к нищете. Дабы избежать унижений, следствующих за разорением, он покинул Новый Орлеан, город своих предков, и поселился на острове Сэлливана, близ Чарльстона в Южной Каролине.

Остров этот весьма особенный. Почти весь он состоит из морского песка и имеет приблизительно около трех миль в длину, ширина его нигде не достигает более четверти мили. От материка он отделен еле заметной бухточкой, которая прокладывает себе путь, просачиваясь сквозь ил и глухие заросли камыша, обычное местопребывание болотных курочек. Растительность здесь, как и можно было бы предполагать, скудная или, во всяком случае, карликовая. Нет там деревьев сколько-нибудь значительной величины. На западной окраине, там, где находится крепость Моультри и несколько жалких деревянных строений, обитаемых в течение лета беглецами из Чарльстона, укрывающимися от пыли и лихорадок, можно встретить колючую пальмочку; но весь остров, за исключением этого западного пункта и линии сурового белого побережья, покрыт густыми зарослями душистой мирты, столь ценимой английскими садоводами. Кустарник часто достигает здесь вышины пятнадцати-двадцати футов, и образует поросль, почти непроницаемую, и наполняющую воздух пряным своим ароматом.

В самой глубине этой чащи, недалеко от восточной окраины острова, т. е. самой отдаленной, Легран собственноручно построил себе маленькую хижину, в которой он жил, когда впервые, совершенно случайно, я познакомился с ним. Это знакомство вскоре выросло в дружбу — так как, без сомнения, в этом отшельнике было что-то, что могло возбудить интерес и уважение. Я увидел, что он был хорошо воспитан, обладал необычными силами ума, но заражен был человеконенавистничеством и подвержен болезненным сменам восторга и меланхолии. У него было с собой много книг, но он редко пользовался ими. Его главным развлечением было охотиться и ловить рыбу, или бродить вдоль бухты и среди миртовых зарослей в поисках раковин и энтомологических образцов; его коллекции этих последних мог бы позавидовать всякий Сваммердам. В этих экскурсиях его обыкновенно сопровождал старый негр, прозывавшийся Юпитером, который был отпущен на свободу раньше злополучного переворота в семье, но ни угрозы, ни обещания не могли заставить его отказаться от того, что он почитал своим правом — по пятам следовать всюду за своим юным «массой Виллем»¹. Вполне вероятно, что родственники Леграна, считавшие его немного тронутым, согласились примириться с упрямством Юпитера, имея в виду оставить его как бы стражем и надсмотрщиком за беглецом. На той широте, где лежит остров Сэлливана, зимы редко бывают суровыми, и даже на исходе года это — редкое событие, что возникает необходимость топить. Однако, около середины октября 18... года выдался день необычайно холодный. Перед самым закатом солнца я пробирался сквозь

¹ «Massa Will», т. е. «Master William», хозяин Вильям, или господин Вильям. — К. Б.

вечнозеленую чащу к хижине моего друга, которого не видал уже несколько недель. Я обитал в то время в Чарльстоне, в девяти милях от острова, и путь туда и обратно был сопряжен с меньшими удобствами, чем в настоящее время. Подойдя к хижине, я постучался, как обыкновенно, и, не получая ответа, стал искать ключ там, где, как я знал, он был спрятан, потом отпер дверь и вошел. Яркий огонь пылал в очаге. Это было неожиданностью и отнюдь не неприятной. Я сбросил пальто, придвинул кресло к потрескивающим дровам и стал терпеливо дожидаться прибытия моих хозяев.

Они пришли вскоре после наступления сумерек и встретили меня самым радушным образом. Юпитер, смеясь и раскрывая рот до ушей, хлопотал над изготовлением болотных курочек к ужину. Легран находился в одном из своих припадков, — как иначе могу я назвать это? — восторженности. Он нашел неведомую двустворчатую раковину, образующую новый род, и, еще лучше того, с помощью Юпитера он выследил и изловил жука, скарабея, который, как он утверждал, был неведом науке, и о котором ему хотелось узнать мое мнение завтра.

— А почему же не сегодня вечером? — спросил я, потирая руки перед огнем и мысленно посылая к черту всю породу жуков.

— Ах, если бы я только знал, что вы здесь! — сказал Легран, — но так много минуло времени, как я не видал вас; разве мог я предвидеть, что из всех ночей вы выберете именно сегодняшнюю, чтобы посетить меня? Возвращаясь домой, я встретил лейтенанта Г., из крепости, и поступил легкомысленно, одолжив ему жука; потому-то вам и не придется увидеть его ранее завтрашнего утра. Оставайтесь здесь эту ночь, а я пошлю за ним Юпитера на восходе солнца. Это самое чудесное, что есть в мироздании!

— Что — восход солнца?

— Да нет же! — нонсенс! — жук! Он блестящего золотого цвета, величины приблизительно с большой орех, с двумя черными, как смоль, пятнышками на одном конце спины, и с пятном еще побольше на другом конце. Усики у него...

— Что там усики, масса Вилль, не в усиках, доложу вам, дело, — прервал его тут Юпитер, — этот жук — золотой жук, из чистого золота, внутри и снаружи, всюду, кроме пятен на спине. Я в жизни своей не видел жука даже и на половину такой тяжести.

— Хорошо, положим, что ты прав, Юпи, — сказал Легран, несколько более серьезно, как мне показалось, чем того требовал случай, — но все же это! не причина, чтобы ты сжег дичь? Достаточно на него взглянуть, — тут он обратился ко мне, — для того, чтобы подтвердить мнение Юпитера. Вы никогда не видали металлического блеска более ослепительного, чем блеск его надкрыльев. Но об этом вы не можете судить до завтра. А пока я постараюсь дать вам некоторое понятие о его форме.

Говоря это, он уселся за небольшим столом, на котором было перо и чернила, но бумаги не было. Он поискал ее в ящике, но не нашел.

— Не беспокойтесь, — сказал он наконец, — этого будет достаточно, — и он вытащил из жилетного кармана клочок чего-то, что показалось мне куском очень грязного пергамента, и сделал на нем очень грубый набросок пером. Пока он был занят этим, я продолжал сидеть у огня, так как мне все еще было очень холодно. Когда рисунок был окончен, он протянул мне его, не вставая. В то время как я брал его, послышалось громкое рычание, сопровождавшееся царапаньем в дверь. Юпитер открыл ее, и огромная ньюфаундлендская собака, принадлежащая Леграну, ворвалась в комнату, бросилась мне на плечи и стала осыпать меня своими ласками, так как в предыдущие свои посещения я выказал ей много внимания. Когда ее прыжки кончились, я посмотрел на бумагу и, сказать правду, был немало озадачен тем, что нарисовал мой друг.

— Хорошо! — сказал я, после того как смотрел на рисунок в течение нескольких минут, — должен признаться: это престранный скарабей, для меня он совсем новый. Я не видал ничего даже подобного ему — разве только череп, или мертвую голову — на которые он походил более, чем на что-либо другое, что мне случалось наблюдать.

— На мертвую голову! — повторил Легран, как эхо. — О да, конечно, есть что-то в моем рисунке схожее с ней. Два верхних черных пятна смотрят как глаза, да? а более продолговатое, ниже, как рот, правда, — и затем овальная форма.

— Может быть, это так, — сказал я, — но я боюсь, Легран, что вы не художник. Я должен подождать, пока не увижу самого жука, если мне нужно составить какое-нибудь представление о его внешнем виде.

— Хорошо, — сказал он, несколько задетый, — я знаю, что рисую порядочно — по крайней мере, должен был бы неплохо рисовать, так как у меня были хорошие учителя, и я льщу себя надеждой, что был не совсем уж тупоголовым учеником.

— Но, мой милый друг, — сказал я, — вы шутите тогда: это довольно удачный череп, могу сказать даже — превосходный череп, согласующийся с общими представлениями о таких физиологических образцах — и ваш жук был бы самым удивительным из всех жуков в мире, если бы он походил на это. Что же, мы могли бы извлечь из такого намека весьма сердцепипательное суеверие. Я предполагаю, что вы назовете